

Акутагава
Рюноскэ

Безответная любовь

Санкт-Петербург

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44
А 44

龍之介 芥川
片恋

Перевод с японского
Владимира Гривнина, Ирины Львовой,
Виктора Мазурика, Виктора Сановича,
Татьяны Соколовой-Делюсиной, Аркадия Стругацкого

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева-мл.

- © В. С. Гривнин (наследник), перевод, 2025
- © Ирина Львова (наследник), перевод, 2025
- © В. П. Мазурик, перевод, 2025
- © Т. Л. Соколова-Делюсина, перевод, 2025
- © А. Н. Стругацкий (наследник), перевод, 2025
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-28712-9

СТАРОСТЬ

В ресторанчике типа чайного домика «Гёкусэн-кэй» на Хасибе готовились к исполнению иттю-буси.

С утра установилась серая, пасмурная погода, а около полудня наконец пошел снег, так что в пору, когда в домах зажигаются огни, веревки на соснах в саду, не дающие ветвям сломаться под тяжестью снега, уже низко провисли. Но в комнате за двойным укрытием из стеклянных дверей и сёдзи¹, рядом с хибати² было так жарко, что даже кружилась голова. Язвительный «босс из Накадзу», поймав проходившую мимо Роккин, в чопорном однотонном хаори стального цвета и накидке из ткани чайного цвета с продольными полосами, поддел ее:

— Не желаете хоть одну-то скинуть? А то помада для волос потечет!

Кроме госпожи Роккин, пришли еще три гейши из квартала Янагибаси и одна хозяйка чайного домика в районе рисовых складов на берегу реки Сумидагава, всем им было за сорок; кроме того, присутствовали человек шесть — молодые прислужницы ойран³, отошедшие от дел куртизанки да господин Огава с «боссом из

¹ Сёдзи — раздвижные перегородки.

² Хибати — переносная жаровня, печурка для обогрева и приготовления пищи.

³ Ойран — гейша высшего ранга.

Накадзу». Из слушателей-мужчин были согбенный учитель иттю Удзи Сигё и семь-восемь господ-любителей, из которых трое знали репертуар Театра Трех Трупп и совершаемого в присутствии сёгуна праздника бога Санно-сама, а потому между ними завязалась довольно оживленная беседа о выступлении сказителей гидаю в чайном павильоне Тобая, что в Фукагаве, и о церемонии «тысячи паломничьих листовок», проведенной меценатом Цуто из квартала Ямасиро-Гаси.

Гостиная в пятнадцать дзё помещалась во флигеле и, похоже, была самой большой комнатой в доме. Электрические лампочки в плетенных из бамбука абажурах отбрасывали на потолок из мореной криптомерии кружки света. В темной нише токонома¹ в позеленевшей бронзовой вазе с неприметной грациозностью стояли цветы ранней сливы и нарциссы. Свиток, по видимому, принадлежал кисти Тайги². Посредине словно закопченного от времени листа бумаги, подчеркнутого сверху и снизу полосками желтой материи из банановой нити, тонко выведено:

За красные плоды
Приняв бутоны, вспорхнула птица
На зимнюю камелию.

Застывшая на подставке из красного сандала маленькая потухшая селадоновая курильница тоже выглядела по-зимнему.

Перед токонома вместо помоста для исполнителей были постланы два коврика. Теплый ярко-алый

¹ *Токонома* — место в традиционном японском жилище, ниша, специально отведенная для любования чем-то красивым — будь то каллиграфический свиток со стихами, ваза с икебаной и горшок с бонсай.

² *Икэно Тайга* (1723–1776) — художник и каллиграф, живший в период Эдо.

отсвет от них лежал и на коже сямисэна, и на руках исполнителей, и на роскошном павлониевом пюпитре с резными гербами в виде вписанного в круг вогнутого ромба с четырехлепестковым цветком китайского водяного ореха внутри его. Присутствующие сидели лицом друг к другу по обеим сторонам токонома. Самое почетное место около нее занимал учитель Сигё, следующим за ним располагался «босс из Накадзу», затем господин Огава; места мужчин были справа, а женщин — слева. На самом дальнем месте от токонома в правом ряду сидел расставшийся со сценой хозяин дома.

Звали хозяина Фуса-сан, это был старик, в позапрошлом году вернувшийся к изначальной гексаграмме. Со вкусом саке в чайных домиках он познакомился в пятнадцать лет, а за год до исполнения рокового двадцатипятилетнего возраста дело, говорят, чуть не дошло до двойного самоубийства с молодой актрисой Кимбэй Дайкоку. Вскоре после этого он бросил доставшуюся по наследству от родителей оптовую лавку, торговавшую неочищенным рисом, и, как дилетант, да еще с болезненным пристрастием к спиртному, коекак перебиваясь уроками песен утадзава, рецензиями на стихотворения в жанре хайкай, все больше опускался и порой не имел даже денег на еду, пока наконец не был пристроен кем-то из дальних родственников в нынешний ресторанчик и не зажил без забот, оставив дела. По словам «босса из Накадзу», он с детских лет не мог забыть облик Фуса-сана, когда тот еще в расцвете сил с нательным амулетом синтоистского праздника Канда и в юката с рисунком «полевой тропинки под ливнем» показывал свое искусство пения. Теперь же он совершенно одряхлел и даже свои любимые утадзава пел нечасто, и соловьев, которыми когда-то

так увлекался, держать перестал. И спектакли, на премьерах которых он был завсегдаем, с тех пор как не стало трупп Наритая и Годаймэ, очевидно, перестали его привлекать. Когда видишь его, в желтом кимоно и хаори из Татибу¹, подпоясанного темно-коричневым оби хаката из грубой крученой нити, молча слушающего разговоры в отдаленном углу комнаты, никак не подумаешь, что этот человек всю жизнь провел в любовных утехах да песнях. «Босс из Накадзу» с господином Огава в который уже раз подступали к нему с просьбой:

— Фуса-сан, не споете ли для нас в кои-то веки про... как там ее... да-да, о Яэдзи Окику из Итадзимити?

Но он, поглаживая плешивую голову, приговаривал:

— Нет, у меня теперь совсем сил не стало. — И его низенькая фигурка, казалось, становилась еще меньше.

И все же — странное дело, — видимо, глуховатый голос, ведущий повествование под тающие в полумраке высокие звуки второй струны сямисэна в таких обольстительных словах: «В смятении тоски любовной ныне, как спутанные волосы» или «Приди ко мне ночной порою — я выткать золотом велела на подоле там, где Сэйдзюро меня касался той ночью», — до некоторой степени пробудил в старике давно уснувшие чувства. И он, вначале слушавший пение ссутулившись, постепенно распрямился, и когда Роккин начала сказ «На горе Асама»: «И ненависть и любовь в душе, покинутая им, все думаю ночной порою:

¹ *Титибу* — горная местность в префектуре Сайтама, известная производством шелка высшего качества — «титибу мэйсэн».

а вдруг еще вернется чувство в его сердце?» — глаза его засверкали, и он стал в такт струне слегка поводить плечами, и казалось, в эту минуту краем глаз вновь видел то, о чем мечталось когда-то. Видимо, звон струн и песни иттю, в горьковатой печали которых таится неведомое нагаута или киёмото¹ очарование, невольно подняли из глубины его души, усталой от долгой жизни и много испытавшей, нежданную волну чувства.

Когда закончилась «Гора Асама» и отзвучал дуэт «Ханако», Фуса-сан с вежливым «угощайтесь» вышел из комнаты. Как раз в этот момент подали еду на низеньких столиках, и некоторое время звучала оживленная болтовня. «Босс из Накадзу», похоже, был поражен тем, насколько постарел Фуса-сан.

— Как изменился! Прямо дедуля-сторож стал... Да, отпелся наш Фуса-сан, — сказал он.

— Вы как-то о нем, кажется, рассказывали? — спросила Роккин.

— Да и господин учитель знает, но я скажу. Он очень способный. И утадзава пел, и иттю, да разве только это — и с исполнением синнай по городу хаживал. В прошлом он занимался у того же, что и сэнсэй, главы школы пения в Удзи.

— С учительницей песен иттю из квартала Комата, как ее бишь — Ситё? — что-то у него тогда еще с ней было, — вставил Огава-сан.

Некоторое время все продолжали одну за другой вспоминать разные истории о Фуса-сане, но, когда старая гейша с Янагибаси начала исполнять сцены из «Храма Додзёдзи», в гостиной вновь воцарилась тишина.

¹ *Нагаута, киёмото* — песенные жанры.

Поскольку вслед за этим была очередь Огава-сана с «Кагэкиё», он на минуту вышел в туалет. По правде говоря, он подумывал, не выпить ли попутно сырое яйцо, но только вышел в коридор, как вслед за ним туда выскользнул и «босс из Накадзу» со словами:

— Огава-сан, а не осушить ли нам по чашечке? После вас ведь мой номер — «Комнатное деревце». На трезвую-то голову и с духом как-то трудно собраться.

— А я как раз хотел выпить сырое яйцо или чашечку охлажденного саке... У меня тоже без вина смелости, знаете, не хватает.

Когда, справив малую нужду, они прошли по коридору до главного здания, то услышали доносящиеся откуда-то звуки тихого разговора. Сквозь застекленные сёдзи в конце длинного прохода, за двориком с голубеющим в сумерках на мясистых листьях подокарпов снегом, на другом берегу темной, широкой реки желтыми точками светились далекие огоньки. Вслед за двумя короткими вскриками чайки — тиритири, — словно лязгнули серебряные ножницы, в доме и снаружи сделалось совсем тихо, не слышно было даже звуков сямисэна. И только чей-то голос незаметно вплетался в напоминающий жужжание швейной машинки легкий шепот снежной крупы, что сыпалась на красные бусинки декоративного карликового мандарина, на уже выпавший снег и скользила по гляцевым листьям аралии.

— Ого, послушай-ка!
Да то совсем не кошка,
Лакающая воду! —

пробормотал господин Огава. Постояв, они поняли, что голос раздается из-за сёдзи справа. Его прерывающиеся звуки складывались в такие слова:

— Ну чего дуешься? Если все время будешь плакать, прямо не знаю, что с тобой делать... Что? У меня, дескать, дела с этой, из Кинокуния?.. Полно тебе шутки шутить. На что мне такая старушенция? Остывшее блюдо, кушайте, мол, вдоволь? Негоже так говорить. И вообще, зачем я стану еще где-то заводить женщину, когда у меня есть ты? Первая любовь все же... Помню, я на занятиях по утадзава исполнял «Он мой», а ты тогда еще...

— Да, это в духе Фуса-сана.

— Постарел, но со счетов его сбрасывать рано!

С этими словами Огава-сан и «босс из Накадзу» осторожно подползли на коленях к узкой щелке в сёдзи и заглянули в комнату. Обоим в воздухе померещился запах пудры.

В комнате слабо, даже не отбрасывая теней, горела электрическая лампа. В плоской — три локтя в ширину — нише одиноко висел каллиграфический свиток из монастыря Дайтокудзи, а под ним стояла плоская ваза белой керамики с распустившимся зеленоватым бутонем, кажется китайского нарцисса. Перед нишей у котацу сидел Фуса-сан, отсюда видна была только его спина в подбитом ватой шелковом кимоно с воротником из черного бархата. Но женщины нигде не было. На прикрывающем котацу одеяле с переплетающимся узором цвета индиго и светло-коричневого лежали два-три сборника нот хаута, а рядом с ними свернулась калачиком маленькая белая кошка с колокольчиком на шее. При каждом ее движении колокольчик издавал тоненький, едва слышный звук. Фуса-сан, склонившись над ней, так что его лысина чуть

не касалась мягкой кошачьей лапки, продолжал обольстительно шептать неизвестно кому:

— Тут ты подошла и сказала, что я противный — так умею петь! Искусство — это...

«Босс из Накадзу» с Огава-саном молча переглянулись. Потом, стараясь пройти как можно тише, вернулись по длинному коридору в гостиную.

А снег все шел и, казалось, не собирался кончаться...

НОС

О носе монаха Дзэнти в Икэноо знал всякий. Этот нос был пяти-шести сун¹ в длину и свисал через губу ниже подбородка, причем толщина его, что у основания, что на кончике, была совершенно одинаковая. Так и болталась у него посреди лица этакая длинная штукавина, похожая на колбасу.

Монаху было за пятьдесят, и всю жизнь, с давних времен пострига и до наших дней, уже удостоенный высокого сана найдодзёгубу, он горько скорбел душой из-за этого своего носа. Конечно, даже теперь он притворялся, будто сей предмет беспокоит его весьма мало. И дело было не только в том, что терзаться по поводу носа он полагал неподобающим для священнослужителя, которому надлежит все помыслы свои отдавать грядущему существованию подле Будды Амида. Гораздо более беспокоило его, как бы кто-нибудь не догадался, сколь сильно досаждал ему собственный нос. Во время повседневных бесед он больше всего боялся, что разговор пойдет о носсах.

Тяготился же своим носом монах по двум причинам.

Во-первых, длинный нос причинял житейские неудобства. Например, монах не мог самостоятельно

¹ Сун — мера длины, чуть более 3 см.

принимать пищу. Если он ел без посторонней помощи, кончик носа погружался в чашку с едой. Поэтому во время трапез монаху приходилось сажать за стол напротив себя одного из учеников, с тем чтобы тот поддерживал нос при помощи специальной дощечки шириной в сун и длиной в два сяку¹. Вкушать таким образом пищу было всегда делом нелегким как для ученика, так и для учителя. Однажды вместо ученика нос держал мальчишка-послушник. Посредине трапезы он чихнул, его рука с дощечкой дрогнула, и нос упал в рисовую кашу. Слух об этом происшествии дошел в свое время до самой столицы... И все же не это было главной причиной, почему монах скорбел из-за носа. По-настоящему он страдал от уязвленного самолюбия.

Жители Икэноо говорили, будто монаху Дзэнти с его носом повезло, что он монах, а не мирянин, ибо, по их мнению, вряд ли нашлась бы женщина, которая согласилась бы выйти за него замуж. Некоторые критиканы даже утверждали, будто он и постригся-то из-за носа. Однако самому монаху вовсе не представлялось, что его принадлежность к духовному сословию хоть сколько-нибудь смягчает страдания, причиняемые ему носом. Самолюбие его было глубоко уязвлено воздействием таких соображений, как вопрос о женитьбе. Поэтому он пытался лечить раны своей гордости как активными, так и пассивными средствами.

Во-первых, монах искал способ, каким образом сделать так, чтобы нос казался короче, чем на самом деле. Когда никого поблизости не было, он из сил выбивался, разглядывая свою физиономию под всевоз-

¹ Сяку — мера длины, равная 33 см.

можными углами. Как ни менял он поворот головы, спокойнее ему не становилось, и он упорно всматривался в свое отражение, то подпирая щеку ладонью, то прикладывая пальцы к подбородку. Но он так ни разу и не увидел свой нос коротким настолько, чтобы это утешило хотя бы его самого. И чем горше становилось у него на сердце, тем длиннее казался ему нос. Тогда монах убирал зеркало в ящик, вздыхал тяжелее обычного и неохотно возвращался на прежнее место к попитру читать сутру «Каннон-кё».

Монаха всегда очень заботили носы других людей. Храм Икэноо был из тех храмов, где часто устраиваются церемонии посвящения, читаются проповеди и так далее. Вся внутренность храма была плотно застроена кельями, в храмовых банях каждый день грели воду. Посетителей — монахов и мирян — было необычайно много. Монах без усталости рассматривал лица этих людей. Он надеялся найти хоть одного человека с таким же носом, как у него, тогда ему стало бы легче. Поэтому глаза его не замечали ни синих курток, ни белых кимоно, а коричневые шляпы мирян и серые одежды священнослужителей настолько ему примелькались, что их для него все равно что не было. Монах не видел людей, он видел только носы... Но носы в лучшем случае были крючковатые, таких же носов, как у него, видеть ему не приходилось. И с каждым днем монах падал духом все более. Беседуя с кем-нибудь, он бессознательно ловил пальцами кончик своего болтающегося носа, всякий раз при этом краснея, совершенно как ребенок, пойманный на шалости, каковое обстоятельство полностью вытекало из этого его дурного душевного состояния.

Наконец, чтобы хоть как-нибудь утешиться, монах выискивал персонажи с такими же носами, как у него,

в буддийских и светских книгах. Однако ни в одной из священных книг не говорилось, что у Мандгалаяна или у Шарипутры были длинные носы. Нагарджуна и Асвагхоша тоже, конечно, оказались святыми с самыми обычными носами. Как-то в беседе о Китае монах услышал, будто у шуханьского князя Лю Сюаньдэ были длинные уши, и он подумал, насколько менее одиноким почувствовал бы он себя, если бы речь шла о носе.

Нечего и говорить, что монах, ломая голову над пассивными средствами, пробовал также и активные способы воздействия на свой нос. Тут он тоже сделал почти все, что возможно. Он пробовал пить настой из горелой тыквы. Он пробовал втирать в нос мышиную мочу. Но что бы он ни предпринимал, нос его попрежнему свисал на губы пятивершковой колбасой.

Но вот однажды осенью один из учеников монаха, ездивший по его поручению в столицу, узнал там у приятеля-врача способ укорачивать длинные носы. Врач этот в свое время побывал в Китае и по возвращении сделался священнослужителем в храме Тёраку.

Монах, как полагается, сделал вид, будто вопрос о носах ему совершенно безразличен, и даже не заикнулся о том, чтобы немедленно испробовать упомянутый способ. С другой стороны, он как бы мимоходом заметил, что ему крайне неприятно беспокоить ученика всякий раз, когда нужно принимать пищу. В глубине души он ожидал, что ученик так или иначе станет уговаривать его испытать этот способ. И ученик отлично понял хитрость монаха. И сколь ни претила ученику эта хитрость, на него гораздо сильнее подействовали, возбуждая его сострадание, те чув-

ства, которые вынудили монаха к ней прибегнуть. Как и ожидал монах, ученик принялся изо всех сил уговаривать его испытать этот способ. Как и ожидал ученик, монах в конце концов уступил его горячим уговорам.

Что касается способа, то он был чрезвычайно прост: нос нужно было проварить в кипятке и хорошенько оттоптать ногами.

Воду грели в храмовых банях каждый день. Ученик сходил и принес большую флягу кипятка, такого горячего, что в него нельзя было сунуть палец. Прямо погружать нос во флягу было опасно, пар от кипятка причинил бы ожоги лицу. Поэтому решено было провертеть дыру в деревянном блюде, накрыть им флягу и просунуть нос в кипяток через эту дыру. Когда нос погрузился в кипяток, было ничуть не больно. Прошло некоторое время, и ученик сказал:

— Теперь он проварился достаточно.

Монах горько усмехнулся. Он подумал, что, если бы кто-нибудь подслушал эту фразу, ему и в голову бы не пришло, что речь идет о носе. Нос же, ошпаренный кипятком, зудел, словно его кусали блохи.

Монах извлек нос из дыры в блюде. Ученик взгрозился на этот нос, от которого еще поднимался пар, обеими ногами и принялся топтать изо всех сил. Монах лежал, распластав нос на дощатом полу, и перед его глазами вверх и вниз двигались ноги ученика. Время от времени ученик с жалостью поглядывал на лысую голову монаха, потом спросил:

— Вам не больно? Врач предупредил, чтобы топтать сильно. Больно вам?

Монах хотел помотать головой в знак того, что ему не больно. Но на носу у него стояли ноги ученика, и голова не сдвинулась с места. Тогда он поднял

глаза и, уставясь на растрескавшиеся от холода пятки ученика, ответил сердитым голосом:

— Нет, не больно.

И правда, топтание по зудящему носу вызывало у монаха не столько боль, сколько приятные ощущения.

Через некоторое время на носу наконец стали вылезать какие-то шарики, похожие на просяные зерна. Совершенно как бывает, когда жарят ошипанную курицу. Заметив это, ученик слез с носа и проговорил про себя:

— Велено было извлечь эти штуки щипцами для волос.

Монах, недовольно надувшись, молча подчинился. Не то чтобы он не понимал добрых чувств ученика. Нет, он это понимал, но ему неприятно было, что с носом его обращаются, как с посторонним предметом. И он с видом больного, которому делает операцию недостойный доверия врач, с отвращением наблюдал, как ученик извлекает щипчиками сало из его носа. Кусочки сала имели форму стволиков от птичьих перьев длиной примерно в четыре бу.

Когда наконец эта процедура была закончена, ученик с облегчением сказал:

— А теперь проварим еще разок.

Монах все с тем же недовольным выражением на лице сделал, как ему сказали. И когда вторично проваренный нос был извлечен из фляги, оказалось, что он стал коротким, как никогда. Теперь он ничем не отличался от весьма обыкновенного крючковатого носа. Поглаживая этот укороченный нос, монах с трепетом и ощущением неловкости заглянул в зеркало, которое поднес ему ученик.

Нос, тот самый нос, что некогда свисал до подбородка, неправдоподобно съезжился и теперь скромно довольствовался местом над верхней губой. Кое-где на нем выделялись красные пятна, — видимо, следы, оставшиеся от ног ученика. Уж теперь, наверное, смеяться никто не станет... Лицо в зеркале глядело на монаха и удовлетворенно помаргивало.

Правда, монах боялся, что через день-другой нос снова делается длинным. При каждом удобном случае, читая ли вслух священные книги или во время трапезы, он то и дело поднимал руку и украдкой ощупывал кончик носа. Однако нос весьма благопристойно держался над губой и, по всей вероятности, не был особенно расположен спускаться ниже. Рано утром на следующий день, пробудившись от сна, монах прежде всего прошелся пальцами по носу. Нос по-прежнему был короткий. И тогда монах почувствовал огромное облегчение, словно завершил многолетний труд по переписке «Сутры священного лотоса».

Но не прошло и двух-трех дней, как монах сделал неожиданное открытие. Самурай, посетивший в это время храм Икэноо для каких-то своих дел, не спускал глаз с его носа, при этом с ним отнюдь не заговаривая и вид имея чрезвычайно насмешливый. Мало того, мальчик-послушник, тот самый, который некогда уронил его нос в рисовую кашу, проходя мимо него возле зала, где произносились проповеди и поучения, сперва глядел вниз, видимо силясь побороть смех, а потом все-таки не выдержал и прыснул. Несколько раз, отдавая приказания монахам-работникам, он замечал, что те держатся почтительно лишь перед его лицом, а стоит ему отвернуться, как они тут же принимаются хихикать.

Сначала монах отнес это на счет того, что у него переменилось лицо. Однако само по себе такое объяснение, пожалуй, мало что объясняло... Конечно, монахи-работники и послушник смеялись как раз по этой причине. Однако, хотя они смеялись совсем по-прежнему, смех этот теперь чем-то отличался от тех времен, когда нос был длинный. Наверное, непривычно короткий нос выглядел более забавным, нежели нос привычно длинный. Но было, видимо, и еще что-то.

— Никогда прежде они не смеялись столь нагло, — бормотал временами монах, отрываясь от чтения священной книги и склоняя набок лысую голову. При этом наш красавец, рассеянно уставясь на изображение Вишвабхадры, висящее рядом, вспоминал о том, какой длинный нос был у него несколько дней назад, и уныло думал: «Ныне подобен я впавшему в бедность человеку, скрывающему бывшее процветание...» К сожалению, монаху не хватало проникательности, чтобы понять, в чем дело.

...В сердце человеческом имеют место два противоречивых чувства. Нет на свете человека, который бы не сострадал несчастью ближнего. Но стоит этому ближнему каким-то образом поправиться, как это уже вызывает чувство, будто чего-то стало не хватать. Слегка преувеличив, позволительно даже сказать, что появляется желание еще разок ввергнуть этого ближнего в ту же неприятность. Сразу же появляется хоть и пассивная, а все же враждебность к этому ближнему... Монах не понимал, в чем дело, но тем не менее испытывал известную скорбь, — несомненно, потому, что смутно подозревал в отношении к себе мирян и монахов Икэноо этот эгоизм сторонних наблюдателей.

Акутагава Р.

А 44 Безответная любовь : рассказы / Акутагава Рюноскэ; пер. с яп. В. Гривнина, В. Мазурика, В. Сановича и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 544 с. — (Изыщная классика Востока).

ISBN 978-5-389-28712-9

Мастер короткого рассказа Акутагава Рюноскэ (1892–1927) жизнь прожил короткую, как новелла, и не слишком счастливую. Но зато невероятно плодотворную. Он работал с одержимостью, позволившей ему за десять с небольшим лет создать восемь сборников рассказов и стать одним из величайших японских писателей XX века. В настоящем издании публикуются произведения разных лет, отражающие весь его творческий путь.

Причудливое переплетение вымысла и реальности, тонкий психологизм, истинно японская лаконичность, глубина и парадоксальность суждений и, конечно же, неподражаемая ирония Акутагавы Рюноскэ сделали его творчество одним из наиболее ярких и необычных явлений не только в японской, но и в мировой литературе.

УДК 821.521

ББК 84(5Япо)-44

АКУТАГАВА РҮНОСКЭ
БЕЗОТВЕТНАЯ ЛЮБОВЬ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ольга Попова, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 08.04.2025.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 23,97. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА*, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА* тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-CEL-37824-01-R